

Он достал копье длиной 2,3 метра, полностью сделанное из бронзы, копье, которым обычный человек даже не смог бы эффективно владеть, но оно было идеально приспособлено для кого-то вроде него.

Он принял метательную стойку, подобную метателю копья, напрягая мышцы. Его глаза остановились на голове огромной аустрапеды, она тяжело двигалась, заставляя его сориентироваться, чтобы, даже если он промахнется, копье попало в одно из дыхательных отверстий, у основания шеи.

Кряхтя, он метнул копье, вложив в него столько силы, сколько мог. Его ненависть к зверю только усилилась. Воздух засвистел, когда бронзовое копье покинуло его руку и полетело по воздуху быстрее, чем могли воспринять обычные человеческие глаза.

Большая Аустрапеда увернулась, в результате чего копье промахнулось на миллилитры мимо цели, но все равно попало в единственный здоровый глаз на левом боку птицы. Оно продолжило свой путь, проколов тонкий лоскут кожи на шее.

И как горячий нож сквозь масло, копье пронзило грудную полость, разорвав воздушный мешок, легкое, вторичное сердце, затем кишечник, чтобы выбраться с другой стороны и закопаться в земле на длину, в два раза превышающую длину копья. Кровь самозабвенно хлестала с обоих концов.

Лиам сверху уставился на нанесенный им ущерб, слегка ошеломленный, его взгляд был прикован к кровавой дыре, где он мог различить некоторые органы.

Он сделал это. Это было ужасно, чрезвычайно тревожно, тошнотворно, даже несмотря на то, что он был настолько бесстрастен, насколько это вообще возможно, и это беспокоило его больше всего.

Он изменился так, как предпочел бы не меняться, но такова жизнь, и нытье было бесполезным. Это не помешало ему прихватить еще одно бронзовое копье из своего инвентаря.

В то же время огромная аустрапеда замерла, ее мозг медленно обрабатывал то, что происходило, прежде чем она действительно осознала, что скоро умрет, крылья на ее спине слабо затрепетали, и она издала невероятно высокий визг, усиленный ее гребнем.

Крик, который зверь мог издать только один раз в своей жизни, тот, что означал его скорую и неизбежную смерть или большую потерю, во всех случаях тот, кто его издавал, совершал действие, мало чем отличающееся от самоубийства.

Тор Цнгавик, как называли это На'ви, чрезвычайно редкое событие, последний вопль Большой Аустрапеды и последний звук, который можно услышать, находясь слишком близко к эпицентру.

Крик, который разнесется повсюду на его территории и за ее пределами. Наполненные отчаянием и негодованием, эти крики также означали, что он не смог защитить свое потомство.

Лиам схватился за свой шлем, копье вырвалось у него из рук и упало на землю, когда тихий крик агонии вырвался из его горла, упав на колено, он инстинктивно спрятал бронзовый шлем и попытался приглушить звук, зажав уши руками.

Это было неэффективно, ему казалось, что его голова раскололась на части, и кипящую кислоту влили прямо в мозг, капилляры в его глазах лопались один за другим, отчего зрение покраснело, из носа потекла кровь, а вскоре и из ушей.

Сразу после этого он мог слышать только низкий свист, смешанный с белым шумом, и его барабанные перепонки лопнули. Ему нужно было что-то сделать, его налитые кровью глаза были прикованы к Большой Аустрапеде.

Плотина внутри него прорвалась, и его имплантат засветился ярче, чем когда-либо. В то время как его пронизанный болью разум был полностью сосредоточен на медленно умирающей птице, все разочарование и бурные эмоции, которые он сдерживал с момента своего прибытия, взорвались, и крепкая хватка, которую он держал в течение последних нескольких недель, ослабла.

Весь ад вырвался на свободу, подобно бешеному животному, он набросился на самое близкое к нему живое существо, Большую Аустрапеду, а также на один из величайших источников его страданий. Он хотел, чтобы боль прекратилась, это было единственное, что было у него на уме.

"РАААААХХ!" - закричал Лиам, что-то грубое и первобытное, затем прыгнул с того места, где он стоял, не заботясь о высоте, и вцепился в голову птицы.

Два оставшихся глаза были такими же налитыми кровью, как и у него, и готовы были лопнуть в любой момент, барабанные перепонки тоже лопнули, и кровь текла из каждого отверстия, но визг не прекратился.

Кулак был поднят в воздух, затем обрушен на широко открытые глаза птицы, отчего та взорвалась, за ним последовал еще один, с еще большей силой, послышался треск, затем еще и еще.

Лиам продолжал колотить по голове Большой Аустрапеды, выплескивая все, что держал внутри, демонстрируя крайнюю жестокость.

В какой-то момент визг прекратился, когда его кулак проломил череп и выбил мозг, и птица перестала двигаться, она была мертва, но это не остановило окровавленную фигуру человека, поскольку он продолжал бить и разбивать то, что когда-то было головой, не обращая внимания на боль в руках.

Тем не менее, после долгих минут каждый удар постепенно терял агрессию и силу, пока в конечном счете не прекратился. Он тяжело дышал, набираясь сил.

"Я хочу домой..." - сказал Лиам, его голос был усталым и содержал некоторую опустошенность, он был морально опустошен.

Его слух возвращался по мере заживления барабанной перепонки, но этого было недостаточно, чтобы он обратил внимание на тон своего голоса. Также присутствовала головная боль, но достаточно управляемая, чтобы он мог ее игнорировать.

Посмотрев вниз на свою руку, он увидел, что кожа на костяшках частично разорвана, они были опухшими, в синяках и покрыты его кровью, смешанной с кровью, мозговым веществом, фрагментами костей и плотью аустрапеды. Он растерянно моргнул, когда прозрачные капли упали на его израненные руки.

«Я плачу...?» - подумал он, посмеиваясь над этим откровением, с горько-сладким чувством в сердце. Он чувствовал себя лучше, в каком-то смысле легче, это было странно. Он был одновременно печален и счастлив.

Встав, он спрыгнул с головы птицы, ее череп был расколот, гребень раздроблен, а в воздухе стоял густой запах крови, и это было единственное, что он мог учуять.

Он не был в ужасе от того, что только что сделал, он знал, что должен был, но, возможно, он был слишком умственно истощен, чтобы по-настоящему беспокоиться. Да и возможность дать волю всем своим эмоциям и выпустить все наружу была... освобождающей.

Теперь ему нужно было позаботиться о теле, не желая даже в своем нынешнем состоянии позволить ему пропасть даром. Его взгляд упал на когти птицы, защищающе прижатые к груди.

Что-то вроде кожаного мешочка, напоминающего ему о том, что было у сумчатых, он видел это и раньше, но отмахнулся от инопланетной биологии и не придавал этому большого значения, но сейчас заметил, поскольку из него торчало черное яйцо, покрытое синими пятнами.

<http://tl.rulate.ru/book/90465/2923965>